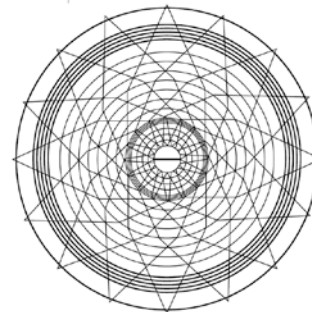

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

УТИЛИТАРНЫЙ ДИСКУРС ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ В РОССИЙСКИХ МЕДИА¹

Каширских О.Н.

Департамент интегрированных коммуникаций,
Национальный Исследовательский Университет «Высшая
Школа Экономики» (Москва)
kesh@hse.ru

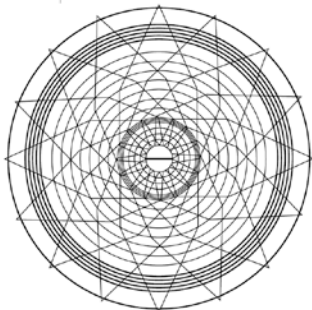
Аннотация:

Цель данного исследования лучше понять природу влияния медиа на общественное мнение, которая, по моему убеждению, отличается не линейным, а взаимозависимым характером и формируется в рамках коммуникационного взаимодействия общественных акторов. Данное исследование продолжает некоторые другие исследования, которые обращают внимание на недостаток дискурсивных средств россиян для формирования отношения к меняющейся институциональной структуре общества (Каширских 2014). В качестве примера я демонстрирую фреймы освещения важных проблем общественной значимости (экономический кризис и коррупция) в 2016-2017. Результаты исследования показали, что дискурс освещения общественно значимой проблематики в российских медиа – дискурс утилитарный. Отсутствие дееспособного представительства граждан в институционально структурированной «коммуникационной среде» прямо проецируется на «коммуникационную среду» производства значений, а потом и новостей при освещении важных общественно-политических событий.

Ключевые слова: общественное мнение, медиа-фреймы, конструктивизм, доминантный нарратив, «коммуникационная среда»

Отправным моментом данной статьи является попытка понять степень чувствительности и зависимости общественного мнения России от медиа-контента. Попытки исследователей осмыслить характер отношений медиа и общественного мнения в большинстве своем сводятся к форматам, подробно освещающим способы контроля публичной сферы и медиа со стороны государства (Becker 2004;

¹ Данное исследование было проведено при финансовой поддержке РГНФ (Грант 17-03-00388).

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

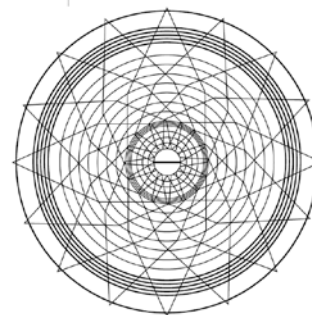
Petrov, Lipman & Hale 2014; Schimpfossil & Yablokov 2014). Исследователи фиксируют наличие двух публичных сфер, которые представляют собой известные «эхо-камеры»: публичная сфера телевидения и нарративно зависимого от него интернета, а также «параллельной» публичной сферы альтернативного и более универсального по характеру дискурса (Kiriya 2014; Тоерфл 2013). Спор идет и о молодежи как аудитории предположительно менее зависимой от доминантных государство-центричных нарративов. С одной стороны, молодежная аудитория пользователей интернета выглядит способной формировать свою независимую от телевидения точку зрения, если использует весь спектр информационных источников и новостных дискурсов за границей официальной публичной сферы (Тоерфл 2013, 2014). С другой, опросы российских студентов свидетельствуют о неспособности «альтернативных информационных источников» повлиять на антизападные нарративы (Szostek 2017: 299). Другие исследования выявляли зависимость протестного движения от различных способов медиа-потребления (Smyth & Oates 2015). С одной стороны, подвергается сомнению тезис исключительного влияния интернета на активизацию протестного движения в России. С другой, признается более сложное по сути, но, тем не менее, очевидное селективное влияние «информационных источников» на политическую активность граждан (Smyth & Oates 2015: 302).

В данной статье речь идет не столько о влиянии «информационных источников» на мнение и поведение, сколько о выявлении когнитивных фильтров формирования и интерпретации этих информационных источников или «сигналов внешней среды» (Нау 2008). Цель данного исследования – проверить тезис о том, что связь между общественным мнением и поведением россиян формируется не столько сверху посредством медиа, сколько является более сложным предметом взаимозависимости с более широкими структурными рамками формирования доминантных нарративов. Речь об этом пойдет на примере демонстрации фреймов освещения важных внутренних общественно-политических проблем. Задача статьи

[Научные статьи]

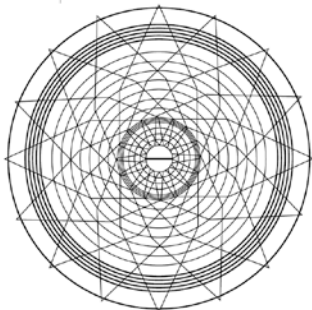
Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

– выявить дискурс освещения проблем «общего блага». Проблемы общего блага касаются не отдельных граждан, но всех в совокупности. «Общее благо» не может быть достигнуто через реализацию или простую (физическую) аккумуляцию частных представлений о благе, но предполагает коллективное участие в решении таких проблем посредством формирования коллективной воли. Обсуждение проблем «общего блага» не направлено на достижение частной выгоды, сколько, отдавая отчет интересам Другого, на достижение справедливости (Elster 1996: 12). Именно анализ обсуждения проблем «общего блага» может выявить степень контекстуального, реляционного мышления граждан и его репрезентации в медиа. Насколько язык (дискурс) описания проблем «общего блага» в медиа будет реляционно ограничен интересами всех заинтересованных сторон общественного договора, настолько медийная повестка дня при обсуждении проблем «общего блага» будет инклюзивной, способной сделать состояние институтов в таких общественных сферах как экономика и право приоритетной в личной повестке дня.

Внимание к дискурсу проблем «общего блага» актуально также и потому, что речь идет об объяснении механизмов формирования отношения граждан к проблеме институционального порядка в России. Формирование институтов рынка и права, в частности, – нуждается в своевременной рационализации сознания, что требует гораздо больше времени, чем сама бюрократическая реализация экономических и политических реформ. Данное исследование актуально также на фоне тезиса об «асинхронном развитии различных институциональных сфер» как причины культурной дезориентации в посткоммунистическом пространстве (Sztompka 2000). Институты (политика, экономика, право) не могут рассматриваться в период «транзита» как *ценность сама по себе* (autotelic), акцептируемая безусловно. Если эти институты не приносят быструю практическую пользу, *интринсическая* рациональность в понимании их необходимости и совершенствовании не рождается (Sztompka 1991: 14). Новый прагматизм на месте

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

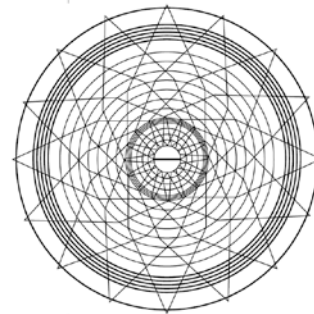
постсоветской деидеологизации инструментален, рассматривает формирующиеся институты нового общества только как «друга до первой беды» и, поэтому, дисфункционален на фоне «неизбежно запаздывающих практических результатов» (Sztompka 1991: 14).

В этой статье я пытаюсь проследить состояние дискурса проблем «общего блага» на примере медиа-фреймов посредством выяснения доминантного фрейма в дискурсе общественно-политической проблематики в России. Поиск доминантного фрейма в масс-медиа обоснован логикой конструктивистской исследовательской парадигмы. Согласно последней, медиа можно рассматривать как институт, дискурсивно формируемый самими гражданами (подробнее ниже). Таким образом, на теоретическом уровне я провожу взаимосвязь между наблюдаемыми мной медиа-контентом и языком самих граждан, которые в интерактивном взаимодействии с медиа конституируют эти медиа-фреймы и вообще признанные в российском обществе устойчивые символические конструкции. Именно общий, широко используемый характер подобных символических конструкций позволяет мне говорить о том, что медиа воспроизводит доминантный дискурс. Если рассуждать в терминах теории фреймов, то конструкционистский и конструктивистский взгляд на фреймы (Hall 1997) может концептуально описать этот тип взаимосвязи. Можно говорить о существовании неразрывной связи между продуцированием новостей и их потреблением: типические способы освещения событий опираются на культурно общие латентные структуры значений, которые одинаково используются как журналистами, так и их аудиторией (Van Gorp 2007: 61; McQuail 2005). Фреймы с точки зрения конструктивизма и конструкционизма – это часть культуры, которая включается в медиа-контент. Апелляция к общепризнанным фреймам в медиа – это, в известном смысле, способ контроля (сознательный и бессознательный) возможных доступных аудитории альтернатив для конструирования социальной реальности (Van Gorp 2007; Reese 2001).

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

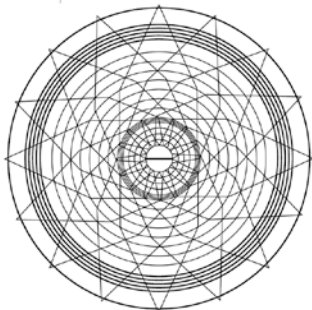
Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

Основной тезис (предположения) данного исследования в том, что язык и прочие символические средства, используемые сегодня при описании и обсуждении проблем общественной значимости в медиа, не обладают универсальной нормативной структурой. Следовательно, они не являются инклюзивными, способными сделать состояние дел в таких общественных сферах, как экономика и право, приоритетным в личной повестке дня граждан. Данное исследование продолжает некоторые другие исследования, которые тематизируют дискурсивно упрощенный способ или просто недостаток дискурсивных средств россиян для описания и понимания сложной (меняющейся) социально-политической структуры (Каширских 2014). Таким образом, мое участие в выше упомянутой дискуссии состоит в углублении понимания природы взаимодействия медиа и их аудитории в России.

Институциональное мышление и конструктивизм

Упомянутое выше изменение рациональности в отношении институциональных изменений возможно только в процессе коллективных, публичных практик обсуждения индивидуального социального опыта и происходит не в форме сопоставления «внешне заданных обстоятельств», но в форме интернализации аргументации и опыта Другого в процессе самоопределения, «когда граждане решают не что они хотят, а кем они являются, каковы их ценности и что эти ценности требуют» (Sunstein 1991: 13). Поскольку я исхожу из конструктивистского понимания данного отношения, то это отношение реляционное (Нау 2008). Т.е. структура обуславливает агента настолько же, насколько агент структуру: действия требуют вербализации, вербализация задает смысловые структуры действия. Влияние институтов на агентов происходит не под влиянием *внешних* рамок («external determination»), но посредством конструирования *значений*, которые влияют *изнутри* («internal determination»). Для примера напомним, что в концепции «рационального выбора» институты – это то, что посредством внешнего

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

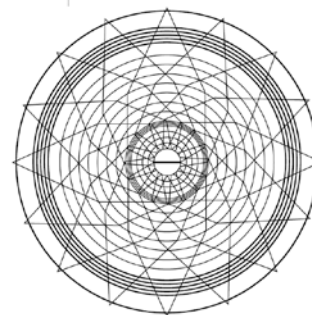
Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

воздействия мотивирует индивида на действие («structures of incentives»). В этом случае институты – это «внешние формализованные институты», которые обуславливают или структурируют действия индивидов извне (Schmidt 2008). Институты, в зависимости от вида институциональной теории их интерпретирующей, чаще рассматриваются как контекст рациональной калькуляции агента, исторически обусловленного (*исторический институционализм*) или соответствующего институциональным нормам поведения (*социологический институционализм*). Все три точки зрения объясняют институциональное влияние как влияние «извне». Напротив, «дискурсивный институционализм», по мнению его авторов, настаивает на своей способности объяснить процесс изменения институтов посредством признания «внутреннего» характера отношения между агентом и структурой. Институты являются не внешними «формализованными институтами», которые, якобы, «структурируют действие», но контингентными структурами, которые, а) определяют поведение агентов и б) определяются конструктами значений/смыслов, которые производятся и меняются самими агентами. Данные институты созданы самими акторами («internal to the actors») (Schmidt 2008: 314): как институты опосредуют акторов, так и акторы опосредуют институты. Поведение человека в этом контексте объявляется как структурируемым, так и структурирующим. Имея в виду реляционную природу взаимоотношения структуры и агентов, мы должны выявлять и выяснять то, что формирует структуру, а именно, репрезентации смыслов данных агентов, которые ложатся в основу легитимному институциональному порядку. Согласно данному подходу идентичность формируется в широком контексте публичного дискурса. В отличие от концепции «рационального выбора» (*институциональный подход*) конструктивизм понимает отношение россиян к институтам как формирующееся дискурсивно посредством влияния этих самых институтов (как структуры) на восприятие. Одновременно сами институты есть продукт дискурса граждан. Отношения институтов и акторов

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

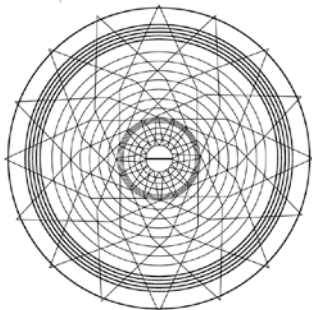
Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

(структуры и агентов) понимаются конструктивизмом как внутренне-детерминированные (internal), а не внешне-детерминированные (external) (Schmidt 2008: 314). В терминах конструктивизма институты – это скорее институционализируемые ими с различной степенью качества «коммуникационные среды», которые дискурсивно производят и легитимируют качество этих институтов. Таким образом, производство институтов и их одновременная рефлексия со стороны граждан – это процесс коммуникативный (т.е. более идущий изнутри), чем результат «внешнего» влияния на координирующих свои действия акторов. Такое понимание эволюции институтов имеет следствием определенное понимание характера когнитивной чувствительности граждан, их рациональности. Рациональность в понимании конструктивизма не априорна, как у институционалистов, но зависит от способности агента находить свой интерес в каждом контексте значений в зависимости от рациональности доминантного дискурса (ideational rules), основанном на жизненном опыте и картине мира агента (Schmidt 2008: 314). Понимание отношения к общественно-значимой проблематике – это понимание степени институционального мышления граждан, которое дает представление о нормативных ориентирах по отношению к институтам коллективного мышления и действия. Обращаясь к дискурсу общественно-значимой проблематики в СМИ, мы, следуя логике конструктивизма, сможем, в целом, судить о том, какими нормативными ограничениями структурировано общественное сознание в границах имеющихся в России «коммуникационных сред».

Освещение экономического кризиса в российских медиа

Эмпирическая часть статьи – частичный результат совместной работы со студентами 1 курса магистратуры по программе «Интегрированные коммуникации» НИУ ВШЭ. Под моим руководством и при моем участии были отобрано и

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

обработано в режиме фрейм-анализа две основных тематики: тема экономического кризиса (ноябрь 2015 – январь 2016) и экономической ситуации в декабре 2017 и тема коррупции (август – октябрь 2017). Обсуждение освещения экономической и коррупционной проблематики на телеканалах (Первый канал; Россия 1; НТВ; Россия 24); онлайн-медиа (Life; Lenta; Gazeta; Meduza) и печатные СМИ (Ведомости; Известия; Российская газета; Коммерсант; Аргументы и Факты) было подвергнуто фрейм-анализу. Схема фрейм анализа включала в себя следующие основные компоненты: идентификация центральных сюжетов, ключевых акторов, нарративов причин кризиса и возможностей выхода из него, а также источников точек зрения и экспертных мнений. Целью фрейм-анализа была идентификация основных или часто встречающихся дискурсивных стилей и смысловой символики освещения экономической и коррупционной проблематики. Внимание было обращено, прежде всего, на центральные новостные и аналитические передачи российского телевидения. Например, на «Вести недели» с Дмитрием Киселевым, «Итоги недели» с Ирадой Зейналовой и другие.

Основные символические приемы освещения экономической ситуации в России (кризиса) в декабре 2015 и январе 2016 в передаче «Итоги недели» и «Вести недели»:

«Рубль падает вслед за ценой на баррель и вздрагивает в ответ на все мировые катаклизмы»

«Центробанк отказался гасить нервозность бирж из резервов»

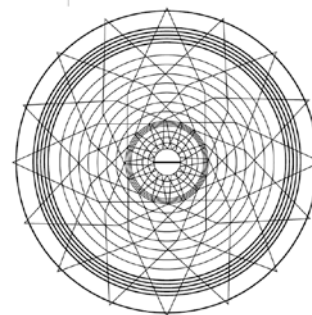
«На рынке нефти - идеальный шторм, ...когда нелетная погода не по твоей вине»

«Неделя была богата на заявления о борьбе. Боролись с кризисом, с последствиями падения котировок из-за очередного обвала китайских бирж, с нефтяным обесцениванием, и нефть даже подскочила после известий о том, что могут начаться переговоры о сокращении мировой добычи на пять процентов»

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

«Кривая [цен на нефть], которая прежде скользила вниз, сейчас должна замереть в ожидании банкротства ряда добывающих компаний в США. Именно эти производители сланцевой нефти год назад вышли на рынок, увеличив предложение и обрушив мировые цены»

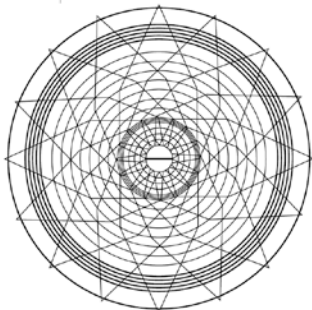
«Объективно ценовая война между ОПЕК и американскими сланцевыми компаниями — не что иное, как передел рынка. И обвал цен был необходим самим производителям нефти, как раз чтобы выжать из рынка спекулянтов»

При освещении экономического кризиса 2015 – начала 2016 года на канале не упоминается социально и политически опосредованная (внутренняя) причинность ухудшения экономической ситуации. Само слово «кризис» упоминается преимущественно в контексте мировой экономики и мировой политики. Причины кризиса с точки зрения ведущих и журналистов обоих каналов – это

«разнообразные неприятности, по отдельности не слишком опасные, которые вдруг происходят одновременно»: «падение цен на нефть, западные санкции, внешнеполитические разногласия, высокая зависимость от импортных технологий».

Тексты освещения экономической ситуации в стране не позволяют идентифицировать внутренние причины кризиса, они постоянно апеллируют к внешней причинности, которая «мешает российскому экономическому развитию» и «губит гармоничное мировое экономическое пространство». Страдает сейчас не только российская экономика. Речь идет о том, что

«просели цены на нефть и на отдельные металлы», а «ситуация будет урегулирована, и волатильность на сырьевых рынках и на товарных спадет в ближайшее время».

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

Курс рубля в понимании «Российской газеты», зависит исключительно от цен на нефть. Статьи из выборки, формально посвящённой валютным рынкам и финансовому регулированию являются, по большому счету, лишь наблюдением колебаний стоимости нефти:

«...формируют предпосылки к повышению цен на нефть марки BRENT до 35-40 долларов в феврале», «китайский фактор, безусловно, давит на нефть»², «черное золото упало почти в 3,5 раза с максимальных значений, а рубль ослабел гораздо меньше. Поэтому вполне можно сказать, что запас для дальнейшего обесценивания нацвалюты с точки зрения рублевой цены на нефть еще есть»³.

Вывод: курс рубля напрямую зависит от цен на нефть, а причина экономических проблем России находится за пределами национальных границ, вне внутрироссийских компетенций. Эту идею подкрепляют рассуждения о визите представителей Саудовской Аравии на саммит ОПЕК, об ожиданиях данных по рынку США и так далее:

«В воскресенье должна состояться его встреча с коллегой из Саудовской Аравии. Уже только этот факт может подтолкнуть котировки нефти марки Brent в район уровня 39,40 доллара»⁴.

Внешиполитическая проблематика доминирует при рассмотрении собственно внутриэкономической. Экономический кризис в России вызван, по мнению

² Панин Георгий, Курсу доллара предсказали в течение февраля обвал на 10 рублей. // URL: <http://www.rg.ru/2016/02/03/kursu-dollar-predskazali-v-techenie-fevralia-obval-na-10-rublej.html>

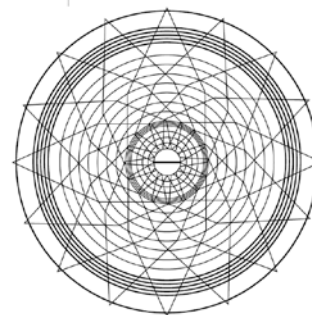
³ Фомченков Тарас, Достаточно ли обесценился рубль. // URL: <http://www.rg.ru/2016/02/04/dostatochno-li-obescenilsia-rubl.html>

⁴ Кривошапка Юрий, ЦБ поднял курс евро выше 86 рублей // URL: <http://www.rg.ru/2016/02/05/cb-podnial-kurs-evro-vyshe-86-rublej.html>

[Научные статьи]

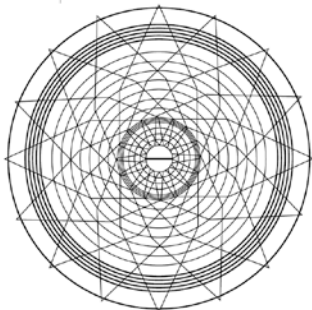
Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

журналистов «Лента.Ру», сложными внешнеполитическими решениями, такими как военная операция в Сирии или турецкий конфликт. В качестве основных причин кризиса выявлены, кроме того, следующие: снижение цен на нефтегазовые продукты, нарушение экономических связей с Западом и снижение товарооборота с ними, нестабильный курс рубля, антироссийские санкции, внешнеполитическая ситуация.

Кто выступает с экранов и страниц медиа с освещением экономических проблем? Это исключительно политики не представительных органов власти, чиновники и представители крупного бизнеса: Президент РФ, Правительство РФ, члены экономического блока Правительства РФ, официальные лица (министры, секретари, уполномоченные), рейтинговые агентства, другие СМИ, официальные представители других стран, инвесторы. Бросается в глаза отсутствие точек зрения граждан в освещении экономической ситуации. Нет способа понимания экономической ситуации глазами граждан или их представителей – политиков. Дискурс экономической проблематики в российских медиа – дискурс аполитичный. Характерен способ поиска причин источника экономических проблем: он внешний, а не внутренний. Исключительная внешняя причинность идентификации источника проблем в большинстве российских медиа – результат того, что экономика не представлена как сфера деятельности, зависящей от интересов граждан. В отсутствие аргументов другой стороны, в отсутствие репрезентации ее интересов, «внутренняя» рефлексия подменяется «внешней». Символический аппарат описания общезначимых проблем лишается понимания по поводу своей внутренней сути (причинности), оперируя при этом не языком универсальной символики стремления к морали и справедливости как формы признания политической (конфликтной изнутри) сути причинности, а языком утилитарным, направленным на поиск «оптимального», «эффективного» решения посредством редуцирования внешних негативных обстоятельств (Cohen 1996: 77-78; Manin 1987). Цель утилитаризма – субъективное благополучие. Стремление к субъективному

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

благополучию не может обеспечить достижение «общего блага» без коллективного участия при определении и понимании того, что под этим благом подразумевается (Manin 1987: 339). Дискурс освещения проблем экономики лишен политического характера, который – будь он сформирован под влиянием референций к «общим интересам» – предполагал бы взвешенное обозрение последствий такого решения для всех заинтересованных акторов: интересы имеют потенциал стать политически значимыми только если они сформулированы коллективно (Buchstein 1996: 311). На примерах выше мы фиксируем дискурс, коммуникационная среда происхождения которого лишена равноправия акторов, в нем участвующих. Характерен выбор символических средств для описания поведения граждан во время экономического кризиса. Часто – это неумелые потребители, неспособные понять свои собственные потребности:

«главная реформа, которая нужна России, – реформа в головах граждан, по старинке живущих одним днем. К сбережениям в это непростое время нужно отнестись, как подушке безопасности. Например, на случай потери работы... Чем больше такая подушка безопасности, тем меньшим придется поступаться и тем комфортнее можно искать эту работу. А с феном, миксером и автомобилем, простите, работу можно и не найти, и только проблемы от этого получить»⁵.

«Они не покупают теперь всё, что попадет под руку, а будут приобретать жизненно необходимые продукты питания. Это абсолютно правильно. Подобная модель поведения населения всегда просматривается в периоды кризисов, такой же модели придерживались потребители в 1998 году и в начале 2009 года»⁶.

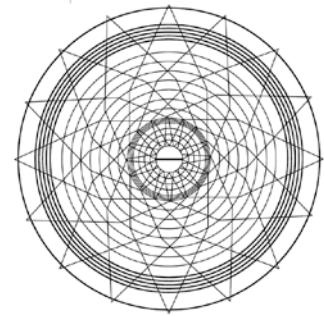
⁵ Экономист консалтинговой компании «ПФ-Капитал» Евгений Надоршин в программе Ирады Зейналовой от 24.01.16

⁶ Башарова Светлана, Бородина Татьяна, Россияне стали бережливее. По данным Росстата за 2015 год, они скопили в 1,5 раза больше денег, чем за 2014 год». Известия 11.01.2016 // URL: <https://iz.ru/news/600941>

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

Ответственность за поведение граждан в условиях кризиса переносится на самих граждан как признак отсутствия у последних возможности политического влияния на институты, ответственные за их благополучие. Не качество институтов, а непонятливость граждан находится в фокусе внимания экспертов.

«Во-первых, население спокойно относится к колебаниям курса рубля и даже считает, что справедливая цена доллара – около 65 рублей. Это значит, что у экономики есть запас прочности»⁷.

«Прочность экономики» и «наполнение бюджета» лишаются смысловой зависимости от граждан и получают символический приоритет над потребностями и интересами последних. В этом смысле логичными выглядят социологические замеры «чувствительности» граждан («Три четверти россиян считают, что живут неплохо»; «Семнадцатый год без революций»),⁸ которые должны дать информацию о границах возможностей наращивания «прочности экономики», из которой эти граждане символически исключены.

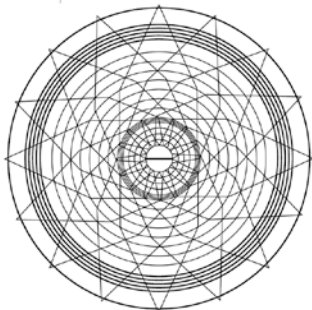
«Во-вторых, риски безработицы населением оцениваются очень низко – даже ниже, чем риск стать жертвой стихийного бедствия»: продолжает эксперт.⁹

Издания, специализирующиеся на анализе экономических проблем (такие как «Коммерсант») также рассматривают экономику без референций на интересы граждан. Основными экономическими субъектами освещения экономической проблематики становятся чиновники и представители бизнеса: «Рынок без руля.

⁷ Гайва Евгений, Чего нам ждать от экономики 2018 года. Российская газета 02.01.2018 // URL: <https://www.rg.ru/2018/01/02/chego-nam-zhdet-ot-ekonomiki-2018-goda.html>

⁸ Заголовки Российской газеты в декабре 2017

⁹ Там же

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

Как чиновники не оправдали ожидания автоконцернов»¹⁰. Выход из сложной экономической ситуации со слов ответственных официальных лиц на страницах газеты символически преподносится как «повышение доходной части бюджета» (муниципального, областного, федерального). Особенно отчеты и интервью служащих государственного аппарата, политиков изобилуют данной символической конструкцией.¹¹ Сутью данной устойчивой символической конструкции освещения экономической проблематики является 1) ее приоритетное освещение от лица чиновников, представителей бизнеса и очень редко политиков и 2) утилитаристский, партикуляристский способ понимания «выхода из экономического кризиса»: речь идет только о *своих административных, технических* интересах (решить проблемы с бюджетом, установить лучший контакт с госорганами и т.д.), а не интересах политических: без включения в план действий критической позиции другой стороны и аргументов, связанных с занятостью, социальным положением граждан и т.д. Только в этом случае дискурс приобретает политический характер (Elster 1996: 10) и неизбежно определяется идеологическими долгосрочными основаниями. Способ понимания и описания экономической проблематики в российских медиа не реляционный, поскольку отсутствует понимание взаимозависимости и самоограничения всех значимых общественных акторов при решении комплексных задач общества, какой является улучшение экономической ситуации. В результате утилитаристского подхода к пониманию выхода из экономического кризиса то, что должно быть целями, становится средствами и наоборот. Средства (пополнение городского бюджета, введение в строй объектов социальной значимости, мероприятия по развитию малого бизнеса и т.д.) превращаются в цели, а цели (аутентичное понимание

¹⁰ Яна Циноева, Рынок без руля. Как чиновники не оправдали ожидания автоконцернов. Коммерсант 29.12.17 // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3512540>

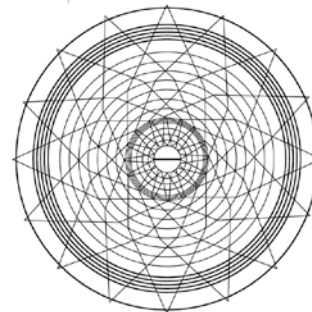
¹¹ 2018 год станет периодом стабилизации экономики. Мэр Краснодара Евгений Первышов рассказал о новых источниках доходов бюджета и о причинах отмены прежней редакции генерального плана города. Коммерсант 27.12.17 // URL:

<https://www.kommersant.ru/doc/3509427?query=экономический%20кризис>

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

проблемы с разных сторон как способ ее эффективного решения) лишаются приоритетной значимости на фоне лишения всего дискурса общественного, политического характера. Дискурс экономической проблематики в сегодняшних российских медиа – это перечисление способов (финансовых, организационных) решения проблем без упоминания интересов и оценки всех этих предложений с другой стороны, с разных других сторон групп интересов, по-разному воспринимающих ситуацию в экономике. Возможность выявить реалистичную картину кризиса посредством включения в текст предпочтений и аргументов (известных и значимых) заинтересованных лиц подменяется простым перечислением финансовых и других мероприятий.

Освещение коррупции в российских медиа

«По данным следствия» – одна из наиболее распространенных символических фигур в освещении коррупции в российских СМИ. Герои таких следствий, прежде всего, служащие и чиновники:

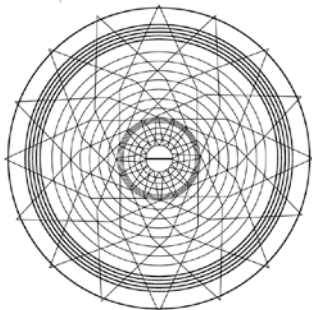
«Громкое уголовное дело в Красноярске с двумя высокопоставленными полицейскими, которых поймали за миллионную взятку»

«Замдиректора Федеральной службы исполнения наказаний задержали накануне по делу о растрате бюджетных средств в особо крупном размере»

«Экс-главу Минэкономразвития Алексея Улюкаева, которого обвиняют в получении взятки в два миллиона долларов»

«Рязанские чиновники готовы уничтожить музей-заповедник Есенина из-за того, что хотят построить на этом месте особняки»

Освещение коррупции происходит при помощи языка судебного делопроизводства и уголовно-административной лексики. Речь идет исключительно о наказании, а не о вскрытии социальных и политических причин.

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

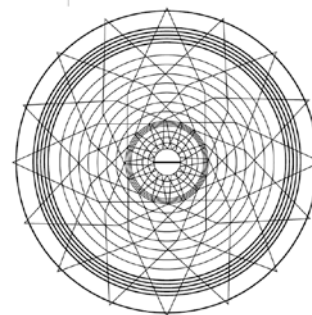
Язык уголовной лексики превращает проблему общественной значимости в проблему персональной значимости: общественно-политические основы коррупции не входят в фокус внимания. В фокусе внимания всегда личные судьбы героев уголовной хроники. Способ борьбы с коррупцией на телевидении и центральной печати – это информация о мере наказания виновного (увольнение, выговор, тюремное заключение) а не попытка вскрыть причины данного деяния и их сложную общественную комплексность. Основные референции при освещении коррупции – это, прежде всего, полицейские чиновники, судьи, прокуроры. На Лайф.Ру дискурс коррупции несколько меняется, но исключительно в сторону его фольклоризации. Дискурс становится менее формальным, идентификация виновных – более популистской. Виновниками объявляются (все) чиновники, а причинами коррупции на Лайф объявляется «обесценившийся рубль» и «большой спрос на доступ к бюджетной кормушке» со стороны чиновников. НТВ несколько обогащает вариативность общественных сегментов коррупции. Теперь это «нечестное ведение бизнеса и недобросовестные отношения во взаимоотношениях между гос. структурами и коммерческими организациями».¹² Как и в случае с экономической проблематикой сохраняется *экстернализированный, утилитаристский* подход к пониманию причинности коррупции. На примере процесса над бывшим министром экономического развития Алексеем Улюкаевым – это «получение положительного отзыва о сделке Роснефти по покупке госпакета акции Башнефти». Фрейм коррупции в российских мейнстрим-медиа реализуется утилитаристским образом: причина – желание разбогатеть; следствие – уголовное преследование. В новостных репортажах Первого Канала и Россия 24 коррупционная тематика освещается только демонстрацией применения карательных методов. Основные сюжеты включают в себя описания «поимки» высокого чиновника, «имеющего широкие полномочия», которого «поймали с

¹² <http://www.ntv.ru/novosti/1941565/>; <http://www.ntv.ru/video/1404081/>

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

поличным» и пытаются «привлечь к уголовной ответственности за получение взятки в особо крупных размерах». Ключевые цитаты:

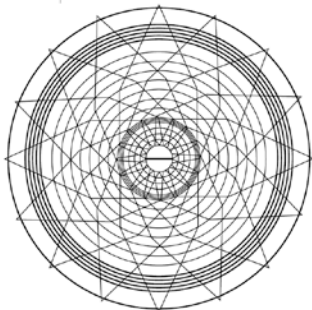
«Во вторник были задержаны трое высокопоставленных сотрудников Следственного комитета»; «восемь квартир и частный дом, принадлежащие бывшему главе Удмуртии Александру Соловьеву и его семье, арестованы по решению суда»; «громкое уголовное дело в Красноярске с двумя высокопоставленными полицейскими, которых поймали за миллионную взятку»

Главные акторы таких сюжетов – это «нарушители закона», коррупционеры, «недобросовестные госслужащие», а также федеральные правоохранительные органы, ФСБ, СКР, «стоящие на страже закона». Причины коррупционных деяний – это недобросовестность и «лазейки в законодательстве», а рецепт их предотвращения репрезентативно описывает следующая цитата: «Главный фактор, который позволил бы повысить ответственность работодателей перед коллективами, - это пристальный контроль со стороны власти и правоохранителей».¹³

Вывод

Отсутствие референций на «общий интерес» в форме политизации дискурса при освещении экономических и правовых проблем – суть доминантного дискурса российских медиа при освещении значимой общественно-политической проблематики. Дискурс освещения общественно значимой проблематики в российских медиа – дискурс утилитарный, упрощенный символически и именно потому, что он упрощен социально и политически в структурных границах «коммуникативных сред» его происхождения. В этой «коммуникационной среде» и в этом дискурсе гражданское общество лишено политической субъектности. В дискурсе российских медиа граждане – это «малый бизнес», «средний бизнес» и

¹³ Кто ответит за задержки зарплат? 2 ноября 2017 (АИФ онлайн: федеральные новости) // URL: http://www.aif.ru/money/opinion/kto_otvetit_za_zaderzhki_zarplat

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

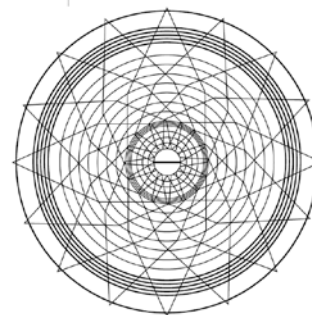
«социалка». Отсутствие дееспособного представительства граждан в «коммуникационной среде», в институциональной структуре общества, прямо проецируется на «коммуникационную среду» производства значений, а потом и новостей освещения важных общественно-политических событий. Как следствие, дискурс воспроизводится исключительно в утилитарных символах. Перечисленные мною выше медиа не обладают инклюзивностью в освещении общественно-политической проблематики. Лишение фрейма референций позиции гражданского общества и его представителей при освещении общественных проблем разрушает саму автономию проблематики «общего блага» – опосредовать процесс формирования предпочтений посредством «коммуникативной репрезентативности» (Goodin 2000: 98). Такой тип дискурса не выходит на уровень реляционного понимания причинности в объяснении способов выхода из экономического кризиса, лишая их возможности быть обсуждаемыми политически, признавая контингентный характер целесообразности отдельных решений в экономической сфере. Этот тип дискурса в свою очередь возможен только в случае если граждане «воображаемо репрезентативны» (Goodin 2000: 98) и «хорошо информированы о дискуссионных перспективах», которые делают возможным внутренне-коллективный (internal-reflective) диалог, включая в собственную позицию перспективу Другого.

Можем ли мы говорить о влиянии медиа на общественное мнение при освещении экономических и правовых проблем общества в свете сформулированных выше результатов анализа? Выводы данной статьи противоречат точке зрения о линейном или однонаправленном характере влияния СМИ на общественное мнение. Дискурс в СМИ и преференции граждан взаимозависимы. Социальная структура общества, иерархия политических отношений группового представительства формируют собственную «рациональность жизненного опыта», а медиа является площадкой ее репрезентации. Поэтому изменение структуры «коммуникационной среды»

[Научные статьи]

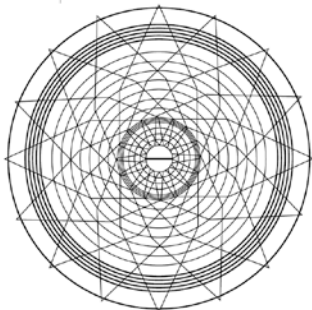
Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

выглядит существенным условием изменения доминантного дискурса общественно значимой проблематики в СМИ. Утилитарный язык не содержит оценки экономики и права как институциональных сфер, поскольку заложенная в данном доминантном дискурсе причинность их кризиса/проблем не носит социально-политического характера. Медиа в границах данного дискурса не обращается к гражданину как к члену общества, сколько как к отдельному индивиду, определяя тем самым его понимание возможностей исправления экономической и правовой ситуации границами исключительно личной успешности. Отсутствие коллективных практик коммуникации обуславливает «феноменологический редукционизм» – редукционирование социальной жизни к состоянию индивидуального сознания (Tilly 1998: 497). Неполитический, нереляционный, неколлективный способ описания и понимания проблем «общего блага» не производит значений, способных увидеть политику и состояние институтов коллективного формирования предпочтений в числе решающих факторов изменения ситуации к лучшему. Поэтому природа зависимости общественного мнения от утилитарного дискурса медиа аполитична, также как и общественное мнение, им формируемое.

Задачей данного исследования было только выявление социально-политических оснований доминантного дискурса в наиболее популярных российских медиа без более дифференцированного обзора способов взаимодействия отдельных взятых медиа и их аудитории на основе *селективного восприятия*. В частности, в данной статье речь не шла об «альтернативной публичной сфере», а именно, о медиа, нарратив которых политически более насыщен. В этой связи, в дальнейшем было бы логичным проследить зависимость между техническим усложнением медиа-ландшафта и социально-политической фрагментацией аудитории в контексте ее возможной политизации (Bennett & Iyengar 2008).

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

БИБЛИОГРАФИЯ

Каширских О. (2014). «Демократия начинается дома» или К вопросу о политической компетентности россиян. *Вестник Общественного Мнения*, 3-4 (118), 70-79.

Becker, J. (2004). Lessons from Russia: A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, 19(2), 139-163.

Bennett, W. L., & Iyengar, S. (2008). A new era of minimal effects? The changing foundations of political communication. *Journal of Communication*, 58 (4), 707–731

Buchstein, H. (1996). Die Zumutungen der Demokratie. Von der normativen Theorie des Bürgers zur institutionell vermittelten Präferenzkompetenz'. *Politische Theorien in der Ära der Transformation*, (ed. von Beyme, C. & Offe, C.), Westdeutscher Verlag GmbH Opladen, 295-324.

Charles T. (1998). Contentious Conversation. *Social Research*, 65(3), 491-510.

Cohen, J. (1996). Deliberation and Democratic Legitimacy. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*, (ed. Bohman, J. & Rehg, W., Massachusetts Institute for Technology, 67-92.

Elster J. (1996). The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*, (Bohman J., & Rehg, W. eds.), Massachusetts Institute for Technology, 3-34.

Goodin R. E. (2000). Democratic Deliberation within. *Philosophy & Public Affairs*, 29(1), 81-109.

Hall, S. (1997). *The work of representation. Representation: Cultural representations and signifying practices* (ed. S. Hall), London: Sage, 13-64.

Hay C. (2008). Constructivist Institutionalism. *Oxford Handbook of Political Institutions*, (ed. Binder S. A., Rhodes R. A. W. & Rockman B. A.), Oxford Handbooks Online, 1-27.

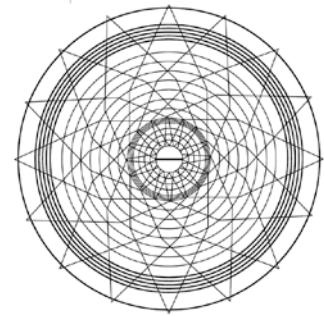
Kiriya I. (2014). Social Media as a Tool of Political Isolation in the Russian Public Sphere. *Journal of Print and Media Technology Research*, 3(2), 131-138.

Manin, B. (1987). On Legitimacy and Political Deliberation. *Political Theory*, 15(3), 338-368.

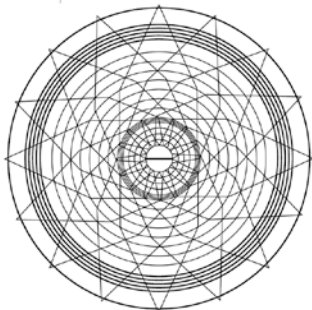
[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

- McQuail, D. (2005). *McQuail's mass communication theory* (5th ed.), London: Sage.
- Petrov, N., Lipman, M. & Hale, H. (2014). Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*, 30(1), 1-26.
- Reese, S. D. (2001). Introduction. Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world (eds. S. D. Reese, O. H. Gandy, & A. E. Grant), Mahwah, NJ: Erlbaum, 1–31.
- Schmidt, A. V. (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *Annual Review of Political Science*, 11, 303-326.
- Schimpfoss, E. & Yablokov, I. (2014). Coercion or Conformism? Censorship and Self-Censorship among Russian Media Personalities and Reporters in the 2010s. *Demokratizatsiya*, 22(2), 295-311.
- Smyth R. & Oates S. (2015). Mind the Gaps: Media Use and Mass Action in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(2), 285–305.
- Sztompka P. (2000). Cultural Trauma. The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*, 3(4), 449-466.
- Sztompka, P. (1991). *Dilemmas of the Great Transition* (A Tentative Catalogue in Programm on Central and Eastern Europe Working Paper Series 19, November 29-30).
- Szostek J. (2017). Consumption and Anti-Western Narratives in Russia: A Case Study of University Students. *Europe-Asia Studies*, 69(2), 284–302.
- Toepfl, F. (2013). Making Sense of the News in a Hybrid Regime: How Young Russians Decode State TV and an Oppositional Blog. *Journal of Communication*, 63(2), 244-265.
- Toepfl, F. (2014). Four Facets of Critical News Literacy in a Non-democratic Regime: How Young Russians Navigate Their News. *European Journal of Communication*, 29(1), 68-82.
- Van Gorp B. (2007). The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back In, *Journal of Communication* 57 (1), 60–78.

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

*Утилитарный дискурс общественно-политической
проблематики в российских медиа*

UTILITARIAN DISCOURSE OF IMPORTANT SOCIO-POLITICAL ISSUES IN RUSSIAN MEDIA¹⁴

Kashirskikh O.

School of Integrated Communications, National Research
University Higher School of Economics (Moscow)
kesh@hse.ru

Abstract:

The main goal of the given research is to test the hypothesis, that the public opinion is not determined only by media. Thus, the relation between media and public opinion is an issue of complex interdependence caused by structurally determined dominant narratives. The given research extends the inquiry focused on a shortage of Russian citizens discursive means which determine relationships towards changing institutional structure (Kashirskikh 2014). The research relies on example of Russian media-frames accompanying lightening of most important social issues (economic crises and corruption) in 2016-2017. The research results revealed utilitarian discourse to be dominant by lightening important social issues in Russian media. The lack of functioning representation of citizens in institutionally structured “communicative sphere” is projected to “communicative sphere” of meaning production thus to the news covering major socio-political issues.

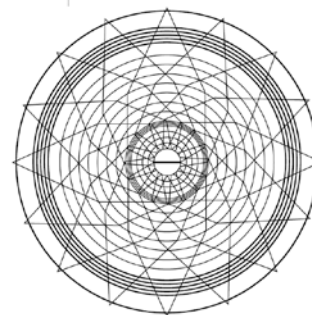
Key words: public opinion, media frames, constructivism, dominant narrative, “communicative sphere”

¹⁴ The paper is supported by Russian Foundation for Humanities (Grant no. 17-03-00388).

[Научные статьи]

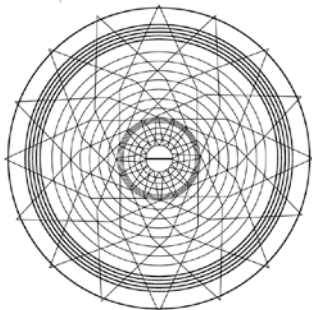
Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической
проблематики в российских медиа

REFERENCES

- Becker, J. (2004). Lessons from Russia: A Neo-Authoritarian Media System. *European Journal of Communication*, 19(2), 139-163.
- Bennett, W. L., & Iyengar, S. (2008). A new era of minimal effects? The changing foundations of political communication. *Journal of Communication*, 58 (4), 707–731
- Buchstein, H. (1996). Die Zumutungen der Demokratie. Von der normativen Theorie des Bürgers zur institutionell vermittelten Präferenzkompetenz'. *Politische Theorien in der Ära der Transformation*, (ed. von Beyme, C. & Offe, C.), Westdeutscher Verlag GmbH Opladen, 295-324.
- Charles T. (1998). Contentious Conversation. *Social Research*, 65(3), 491-510.
- Cohen, J. (1996). Deliberation and Democratic Legitimacy. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*, (ed. Bohman, J. & Rehg, W., Massachusetts Institute for Technology, 67-92.
- Elster J. (1996). The Market and the Forum: Three Varieties of Political Theory. *Deliberative Democracy: Essays on Reason and Politics*, (Bohman J., & Rehg, W. eds.), Massachusetts Institute for Technology, 3-34.
- Goodin R. E. (2000). Democratic Deliberation within. *Philosophy & Public Affairs*, 29(1), 81-109.
- Hall, S. (1997). *The work of representation. Representation: Cultural representations and signifying practices* (ed. S. Hall), London: Sage, 13-64.
- Hay C. (2008). Constructivist Institutionalism. *Oxford Handbook of Political Institutions*, (ed. Binder S. A., Rhodes R. A. W. & Rockman B. A.), Oxford Handbooks Online, 1-27.
- Kashirskikh O. (2014). «Demokratiya nachinaetsya doma» ili K voprosu o politicheskoy kompetentnosti rossiyan. *Vestnik Obshchestvennogo Mneniya*, 3-4 (118), 70-79.
- Kiriya I. (2014). Social Media as a Tool of Political Isolation in the Russian Public Sphere. *Journal of Print and Media Technology Research*, 3(2), 131-138.
- Manin, B. (1987). On Legitimacy and Political Deliberation. *Political Theory*, 15(3), 338-368.
- McQuail, D. (2005). *McQuail's mass communication theory* (5th ed.), London: Sage.

[Научные статьи]

Каширских О.Н.

Утилитарный дискурс общественно-политической проблематики в российских медиа

Petrov, N., Lipman, M. & Hale, H. (2014). Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*, 30(1), 1-26.

Reese, S. D. (2001). Introduction. Framing public life: Perspectives on media and our understanding of the social world (eds. S. D. Reese, O. H. Gandy, & A. E. Grant), Mahwah, NJ: Erlbaum, 1–31.

Schmidt, A. V. (2008). Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse. *Annual Review of Political Science*, 11, 303-326.

Schimpfoss, E. & Yablokov, I. (2014). Coercion or Conformism? Censorship and Self-Censorship among Russian Media Personalities and Reporters in the 2010s. *Demokratizatsiya*, 22(2), 295-311.

Smyth R. & Oates S. (2015). Mind the Gaps: Media Use and Mass Action in Russia. *Europe-Asia Studies*, 67(2), 285–305.

Sztompka P. (2000). Cultural Trauma. The Other Face of Social Change. *European Journal of Social Theory*, 3(4), 449-466.

Sztompka, P. (1991). *Dilemmas of the Great Transition* (A Tentative Catalogue in Programm on Central and Eastern Europe Working Paper Series 19, November 29-30).

Szostek J. (2017). Consumption and Anti-Western Narratives in Russia: A Case Study of University Students. *Europe-Asia Studies*, 69(2), 284–302.

Toepfl, F. (2013). Making Sense of the News in a Hybrid Regime: How Young Russians Decode State TV and an Oppositional Blog. *Journal of Communication*, 63(2), 244-265.

Toepfl, F. (2014). Four Facets of Critical News Literacy in a Non-democratic Regime: How Young Russians Navigate Their News. *European Journal of Communication*, 29(1), 68-82.

Van Gorp B. (2007). The Constructionist Approach to Framing: Bringing Culture Back In, *Journal of Communication* 57 (1), 60–78.